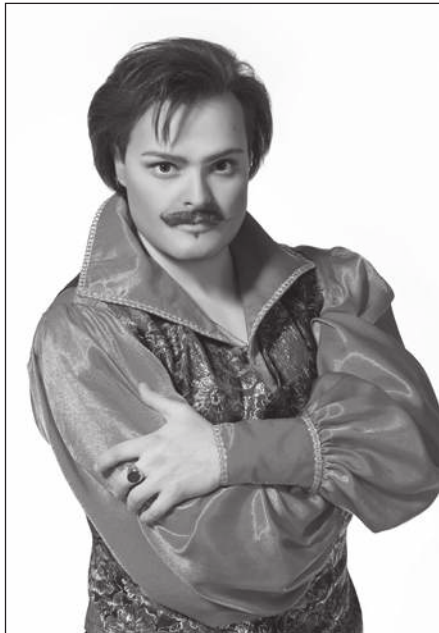

Пётр Борисенко — заслуженный артист России, ведущий солист театра «Московская оперетта», лауреат международных конкурсов, талантливый театральный педагог. Его появление на сцене каждый раз — взрыв эмоций, зажигательный каскад, блистательная импровизация. Фанат оперетты, он своим примером опровергает догматические рассуждения, что оперетта якобы вышла из моды и безнадежно устарела. Бесперывные аншлаги и бурные овации восхищённых зрителей в Театре оперетты — наглядное подтверждение его слов.

Беседу с ним вела **Елена Киселёва**.

— Сейчас, как, впрочем, и 20 лет назад, актёрская профессия в тренде. Она по-прежнему считается престижной, многие вузы открывают отделения театра и кино, музыкального театра. А трудоустраиваются, закончив вуз, единицы. Как вы думаете: почему?

П.Б.: Мы живём в эпоху воинствующего гламура. Неокрепшая детская, юношеская психика охотно поддаётся на дешёвый эрзац, его в избытке поставляет эстрада. Ребятна посмотрят всяких телешоу и

всё — попали! Артист — профессия штучная. Но кто же это им объяснит, вот и бегут бедные дети во все театральные институты-колледжи, чтобы стать топовыми лицами. А ведь недаром раньше говорили даже в ГИТИСЕ: один человек из выпуска, попавший в театр — это значит курс выполнил миссию! Конечно, Мастеру нужен большой курс.

Кто-то отсеется психологически, потому что не в состоянии чему-нибудь научиться, кого-то отчислят за неуспеваемость, кто-то нужен для контражура герою-героине, а кто-то просто статист, как бы это не было обидно. Жизнь жестока, и это надо понимать и принимать. Не все балерины — плисецкие, не все певцы — козловские, не все актёры — евстигнеевы. Сейчас профессия актёра нивелирована ещё и благодаря неразборчивости зрителя.

— *Поступают-то в основном девушки! Юноши в дефиците. Это, похоже, превратилось в проблему творческих вузов...*

П.Б.: Знаете, как в песне поётся? «Потому что на девять девчонок по статистике десять ребят...» Ну, наверное, мальчики стесняются продемонстрировать эмоциональность, может, становятся заложниками клишированного мнения — актёрство — женская профессия... Не знаю, хотя в училище им. Б. Щукина всегда сильная мужская составляющая, — я знаю это со слов ректора — Евгения Князева.

— *Вспомните себя — студента театрального института. Сравните себя со своими студентами.*

П.Б.: Честно? Сравнение не в их пользу. И не потому, что так принято говорить: «Вот, в наше время...» Нет. Так же прогуливали занятия, так же совершали глупые и, порой, некрасивые поступки, позволяли себе разные вольности. Но было колоссальное желание понять, прочувствовать, постичь профессию через боль, разочарование, непонимание. Узнать, что же такое — Мастерство Актёра? Все

юношеские «загибоны» совершались через призму постижения этого таинства — Актёрства. Я не помню точно, кажется, Раневскую спросили: в чём разница: как играли тогда и сейчас. И был точный ответ: «Исчез трепет!» Это так. Клянусь, я вжимался в стену, когда мимо меня в ГИТИСЕ проходили Борис Покровский, Георгий Ансимов, Матвей Ошеровский, Наталья Сац, Анна Некрасова. «Не сотвори себе кумира» — да, эта поговорка справедлива, но дело не в обожествлении, а в понимании: навстречу идёт человек, который ПОСТИГ тайну профессии, а ты, увы, ещё нет. А мои студенты эти фамилии если и слышали, то только от меня. Когда мы поступили в институт, мой Мастер — потрясающий педагог Александр Бармак ска-

зал: «Неучи, ходите в «Иллюзион», — благо он рядом. Смотрите, слушайте, впитывайте, соображайте!» И мы ходили! А мои студенты лезут смотреть фильмы, которые я сбрасываю в общий чат нашей курсовой группы. Конечно, я говорю обобщённо, скорее, о тенденции. Убогое время сейчас! Когда книга, хороший фильм, увлекательное общение с интересной личностью легко меняется на пустую болтовню в мессенджерах, о каком воплощении на сцене Чехова, Островского, Шекспира можно говорить?! Одна симуляция.

— *Не возникало ли соблазна поэкспериментировать на студентах: поставить что-нибудь эдакое — авангардное, супермодное, с прибабмахом? Сейчас так модно «осовременивать классику»...*

П.Б.: Нет, не возникало, поскольку задача у меня как у педагога — не себя пиарить, создав «прибабмах», а дать ребятам актёрскую школу, попытаться раскрыть каждого из них, передать им систему ценностей... А потом, честно говоря, я против подобного осовременивания... Суть ведь не в смене времени, места действия, придумок «ниже пояса» и прочее, смысл в проникновении в замысел автора и раскрытии психологии взаимоотношения персонажей...

— *Поговорим о плюсах и минусах актёрской профессии...*

П.Б.: Плюс однозначно — это удачный спектакль: с точки зрения выполнения режиссёрской задачи, точного попадания в роль. Когда ты «летишь на крыльях», «берёшь зал», как у С. Моэма в «Театре»: «Эй вы, собаки, смотрите на меня!» Когда ты

едешь домой после спектакля и порой не замечаешь дороги, поскольку ты смакуешь удивительные моменты творческого слияния с партнёрами, точное исполнение партитуры спектакля... А минус — невозможность преодолеть на сцене свои проблемы и недостатки, несопоставимые с идеей спектакля и задачами персонажа, а в последнее время — ещё и то, что этого никто не заметил. Ты провалил сцену, а тебе кричат «БРАВО!» Ты своими руками «убил» своего героя, а у тебя — охапка цветов. Это ужасно. Я не скажу: минус — это сплетни, интриги. Это нормально. Это есть везде и во всех сферах жизни. Обращать на это внимание — пустая трата жизненных сил.

— В вашем случае, — а вы работаете в музыкальном театре, — артист, помимо драматических навыков, должен уметь петь, танцевать, владеть элементами акробатики. Сравните уровень подготовки раньше и сейчас. Что должен уметь артист в наши дни? Ведь зачастую абитуриенты, поступая на актёрское отделение, думают — сейчас этого не нужно: трюки выполняют каскадёры, а остальное дорисуют компьютерные графики...

П.Б.: Ну, абитуриенты и должны ошибаться. Проблема, что ошибаются, к сожалению, и дипломированные выпускники театральных вузов. Я не буду кокетничать. В музыкальном театре часто используется клише — «синтетический артист». Проблема в том, что «синтетичность» этого артиста кончается на более-менее адекватной спортивной форме и внешнем виде. А вот сценречь и вокал выбрасываются в мусорную корзину

архаики. В наши дни артист должен уметь делать то же, что и всегда: доносить до зрителя мысль автора всеми доступными ему способами.

— Да и текст учить для студентов театральных вузов сейчас — большая проблема. Что с этим делать?

П.Б.: Не понимаю. Учить!

— Расскажите о ваших педагогах. Как они ввели вас в профессию?

П.Б.: Ответ на этот вопрос пойдет на монографию. Здесь отвечу так: ввели своим примером, своим (и тут мне повезло) беззаветным служением искусству, фанатичной преданностью театру. Антон Григорьев, Александр Бармак, Лина Ермакова, Владимир Колосов, Лилия Амарфий, Инара Гулиева и плюс ещё много моих друзей и партнёров по институту, театру и творческой жизни, — вот те, у кого я учился.

— Можете ли вы назвать Московский театр оперетты вторым до-

мом? Как вас принял коллектив? Расскажите о том, как получили первые роли, как складывались отношения с партнёрами по сцене?

П.Б.: Конечно, могу. Я живу в нём ровно половину своей 44-летней жизни. Как принял — не знаю: я долгое время носил «розовые очки», ибо жил в условиях исполненной мечты! Первая, вторая роль у меня были почти главные, поэтому я чувствовал себя баловнем судьбы. А уж, учитывая партнёров, я был счастливейшим из смертных! Как складывались отношения? Мне грех жаловаться. Я всегда общался с людьми, которые старше и с которыми интересно.

— *Вспомните свой первый успех на сцене.*

П.Б.: Мой дебют, простите за нескромность, — 17 сентября 1998 года — Тони в «Мистере Икс» И. Кальмана, это, если говорить о театре, а в институте — показ самостоятельных отрывков на втором курсе. Я играл Подсекальникова в «Самоубийце» Н. Эрдмана. Ну и, конечно, премьера моего первого дипломного спектакля «Хлопотун, или дело мастера боится» — водевиль Писарева, Алябьева, Верстовского.....

— *Когда к вам пришла известность? Как вы это почувствовали?*

П.Б.: А она пришла? Простите, тогда позвоните моему агенту!

— *Как складываются отношения с поклонницами?*

П.Б.: Ну, честно говоря, я уже вышел из возраста, когда кучка восторженных девочек у служебного подъезда серьёзно волнует. Проблема в том, что поклонники — в основном

женщины, не всегда понимающие разницу между сценой и жизнью и частенько переносящие достоинства и желания героя в реальную жизнь. И жестоко ошибающиеся. Иногда ситуации перерастают даже в трагедию. Жаль. Я сам был поклонником театра и даже некоторых актёров нашего театра — ещё до того, как вошёл в эту семью, но мне хватало ума поклоняться персонажам, а не «доставать» их воплотителей. Вероятно, вопрос всегда в том: а что объект ждёт от поклонниц? Время фильтрует многое, и сейчас у меня есть несколько преданных людей, которые ждут от меня интеллектуального анализа привычной, скажем, роли или нового решения старых спектаклей, а не внутритеа-

тральных сплетен или сексуальных подвигов.

— Сейчас многие актёры без стеснения называют себя «звёздами». Отчасти желание стать звездой приводит ребят на актёрское отделение... Вы им, образно говоря, «вправляете мозги», или у вас другая педагогическая методика?

П.Б.: Стать звездой... Я не буду хвастаться знакомством с громкими именами, но на 5 курсе института я принимал участие в дипломном спектакле младшего курса, и так случилось — мы играли фрагмент в рамках какого-то фестиваля в концертном зале «Россия»(естественно, до сноса). А ведущей того вечера была Наталья Гундарева! И я провёл несколько часов, наблюдая за ней — тайком, конечно. Как она готовилась к выходу, как повторяла текст, как искала оправдание и мотивацию ситуации, как страдала от неточности и формализма сценаристов. Она — звезда — была школьницей в тот вечер. Если я понимаю: ребята вкладывают в слово «звезда» именно этот смысл, — это одно. Как и я его понимаю: высочайший профессионал в своём сегменте не стоит на месте, а учится и сомневается до конца жизни, — тогда, конечно, я приветствую такое отношение. А если речь идёт о перьях, блёстках, лимузинах, райдерах, поклонницах и прочей мишуре, — тут я, конечно, начинаю «вправлять»...

— Жанр оперетты по-прежнему в моде? Докажите!

П.Б.: Я счастлив — оперетта выше моды! Мода меняется каждый се-

зон, а ОПЕРЕТТА есть и будет! Вечно истинное искусство, а остальное — тлен. Зачем доказывать? Залы полны благодарными и восторженными зрителями от Калининграда до Камчатки, — что ещё можно сказать?

— Как вы относитесь к классической литературе, в особенности драматургии? Она вам не наскучила? Зачем вообще она нам — зрителям XXI века?!

П.Б.: К классике я отношусь с большим уважением, и она мне не то что не наскучила, а скорее, её не хватает мне в окружающем информационном поле. Она нужна, в ней сосредоточена вся мудрость наших предков и ответы, если не на все вопросы, то на многие... А литература...Ну, а как без неё, ведь это же ещё и язык, и отношение к Родине, истинный патриотизм, а не современный — показной, с георгиевскими ленточками на выхлопных

трубах авто и надписью на стекле «повторим»... Классическая, читай: хорошая литература и драматургия, как её составляющая, заставляют читателя (или зрителя) думать, анализировать, сострадать, сопоставлять себя с героем и оценивать его поступки. Увы, у нынешней молодёжи все эти процессы не в чести. Так вот, чтобы не стать манкуртами, нужно сохранять и беречь классику!

— *Расскажите, пожалуйста, — с какими чувствами вы отправляетесь на гастроли?*

П.Б.: Это одна из составляющих профессии! Это её чудесная часть! Я обожаю гастроли! В этом, наверное, есть что-то от мазохизма. Казалось бы, как можно любить бессонные ночи, бесконечные переезды, непрерывно мелькающие гостиницы, города, площадки, лица? Но сколько новых городов, сколько чу-

десных мелодий и слов, которые не произносятся и не поются на родной, стационарной сцене. Сколько стрессов, вызванных срочными вводами в роль, когда ты и становишься Артистом! Сколько встреч и постановлений с чудесными коллегами, носителями театральной традиции в провинции! Сколько тренинга и муштры, которая и делает тебя не «звездуном», а профессионалом! Мои первые гастроли — Челябинск, июнь 1999 года. Бригада артистов оперетты во главе с Татьяной Шмыгой. Боже! Меня сейчас трясёт от желания повторить это! Если бы это было возможно... Сейчас молодой артист на любое предложение работы говорит только одно слово: «Сколько»? А я тогда жил и умирал по нескольку раз за день в предвкушении счастья. Какие деньги?! Счастье сотrudничества, общения в не-

формальной обстановке, возможно-сти увидеть и услышать ближе, чем вытянутая рука, даже не «звезду», а ГАЛАКТИКУ, — если уж переходить на астрономические термины.

— *Кто-то из артистов вспоминает: забыл слова в самый неподходящий момент, кого-то рассмешили коллеги-шутники, и он «прокололся», кто-то споткнулся и завалил декорацию... У кого-то на сцену вышла кошка... Расскажите: какие истории случались с вами на сцене, и как удавалось выпутываться из разных сложных ситуаций?*

П.Б.: Однажды работаем антрепризный спектакль, по-моему, в Казани. Звукорежиссёр новый, не точно помнит реплику, чтобы включить фонограмму оркестра. Мы играем сцену Сильвы и Эдвина и подходим к моменту звучания музыки. А её нет. А дуэт «Помнишь ли ты?» начинается с мелодрамы, и текст, произносимый на музыке, точно рассчитан к началу пения. Мы договариваем до конца, и... я начинаю импровизировать, вспоминая ситуацию нашего расставания с героиней в первом акте и, видя круглые глаза партнёрши, беру её за руки и глазами говорю: «Молчи, не мешай!» Говорю, а перед глазами проносится вся жизнь и мысль: «Как выйти на пение? Как?» Заворачиваю пламенный монолог к установленной реплике и говорю её два раза и с такой подачей, что в фойе люстра дрожит! Слава богу, звукорежиссёр всё понял и нажал кнопку! Чуть помолчал и выдохнув, мы вступили в один из красивейших дуэтов нашего жанра.

Или в той же «Сильве», но во Львове, в порыве чувств после квартета хватаю партнёршу и забрасываю её на плечо! Красиво, но фракные брюки, не поняв такого необузданного поступка героя, рвутся,— и как: полностью по всему внутреннему шву! Если бы не подтяжки, они бы рухнули к моим ногам двумя половинками! Скажете: так не бывает? Я тоже так думал — до того момента. Счастье: у меня два костюма в спектакле, и я смог быстро переодеться за кулисами. Кстати, у меня на это было пара минут, а ключ от гримёрки искать некогда. И я — в первый и, надеюсь, последний раз в жизни, выбил дверь ногой! Или вот в «Фиалке Монмартра» играю молодого художника Рауля, и в момент исполнения

терцета с другими молодыми персонажами, исполняя танцевальные движения, неловко встаю с колена. Всё бы ничего, но звучат слова: «И пускай не всем по нраву будет наша жизнь подчас, пока мы молоды, — то нет другой у нас!» Вот на словах «пока мы молоды» «юный художник» и поднимался, кряхтя, с колена. Ну, а уж если говорить о забывании текста, это можно вспоминать бесконечно, поскольку на каждом спектакле обязательно одно слово — да вылетит из памяти!

— В интервью одного из актёров, уже не помню — кого, я прочитала: артист, играющий 125-й, 250-й, 500-й спектакль, делает это уже на автопилоте. Мол, невозможно с трепетом произносить монолог на протяжении такого долгого времени. Вы согласны?

П.Б.: Полная чушь! Скажем, роль Тони Бонвиля в «Мистере Икс» я играю 22-й сезон — и ни разу не было ничего одинакового. Никакого автопилота. Я, безусловно, знаю и понимаю все тонкости спектакля, но каждый раз открываю что-то новое. Обязательно партнёры подкидывают какой-нибудь «антирасслабин», а оркестр, а реквизиторский или мебельный цех, — ну что вы! Каждый раз, как первый, и я ничуть не кривлю душой! А, кроме того, мой персонаж растёт и взрослеет, мудреет вместе со мной. У него разные проблемы или чудесный день, как и у меня, — поэтому повтора быть не может!

— Кто-то мечтает о роли Гамлета, кому-то милее чеховский Астров или Протасов из «Живого трупа», а

кое-кто с удовольствием сыграл бы шекспировского Яго или булгаковского Коровьева... А кого бы вы ещё хотели сыграть? Объясните свой выбор.

П.Б.: Я — актёр музыкального театра, более того, я актёр ОПЕРЕТТЫ, и чаяния мои связаны исключительно с этим профилем. Я, наверное, с 1-го курса института не мыслил категориями мировой драматургии, когда на подобный вопрос Мастера ответил: Пьера Безухова. Я многое хочу спеть, хотя и понимаю: многие роли уже уходят из-за возраста, увы. Я обожаю Легара и Штрауса, и их произведения наиболее подходят моему голосу. Другое дело, всегда хочется к хорошей музыке увидеть и приличное либретто, а вот с этим обычно напряжёнка!

— Объясните, пожалуйста, смысл выражения «лёгкий партнёр». С какими партнёрами вам играет легко? А если трудно на сцене найти консен-

сус, — как вы обычно поступаете?

П.Б.: Лёгкий партнёр, хороший партнёр — колоссальная редкость! Как можно объяснить — хороший муж или жена или плохой(ая)? Есть масса факторов! Когда существует невидимая нить, невербальная связь между людьми. Когда ты уверен в человеке, как в себе самом....Когда, как говорили раньше, «с тобой я бы пошёл в разведку» — это, наверное, хороший партнёр... А плохой партнёр — это, конечно, горе и мука. После спектакля с таким индивидуумом кажется: разгрузил вагон угля. Беда-то: если артист — плохой партнёр, он и не артист вовсе, а значит, и не поймёт — только что он чуть не загубил спектакль.

— А любимые роли у вас есть?

П.Б.: Конечно, есть! Как правило, самые труднодоступные, труднодостижимые. Многие, увы, ушли. Театр жесток, и у него свои правила и расчёты. Из старых спектаклей — Рауль в «Фиалке Монмартра», из нового — Досужев в «Доходном месте»...

— Александр Ширвиндт на досуге обожает удить рыбу, а вы как обычно отдыхаете?

П.Б.: Мне необходима тишина! При каждом удобном случае я убегаю на любимую дачу. Она у меня в красивейшем месте — недалеко от Оки и усадьбы «Поленово»: дом, 17 соток земли. Если нет возможности уехать, я люблю ходить: когда с палками для скандинавской ходьбы, а когда — просто пешком. Опять же: живу я в пешей доступности от Борисовских прудов и Царицыно, возможности для антистресса — огромные. А из домашнего — обожаю гладить, например. Чудесный антистресс!

— У вас есть мечта? Или у вас несколько мечт? Вы же не только ведущий актёр театра "Московская оперетта", — но и педагог...

П.Б.: Мечты есть, конечно. Ведь самое главное для актёра: сохранить душу ребёнка, мечтаний и фантазий море, но... Простите: тут большой амбарный замок. Это моё, личное.